

СОЖЖЕНИЕ ПСКОВСКОГО ПОНОМАРЯ В 1509 Г. И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ПСКОВЕ НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ ВЕЧЕВОГО СТРОЯ

Сдирков А.В.

Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова

Аннотация. Предметом исследования настоящей статьи является актуализация в псковской пенитенциарной практике XV – начала XVI вв. смертной казни через сожжение. Основной сюжет, рассмотренный в статье – казнь пономаря Троицкого собора Ивана в 1509 г. по обвинению в святотатстве – краже огромной суммы в 400 рублей из храмовой казны. Произошло это незадолго до окончательного присоединения Псковской земли к территориям Великого княжества Московского в 1510 г.

В работе поднимается проблема возможной связи псковской практики сожжения за тяжкие преступления с каноническим правом (прежде всего с апокрифическим «Правилем 165 св. отец», бытовавшем в Пскове как минимум с конца XIV в. и грозившем сожжением за «обиды», нанесенные Церкви), а также с усилением влияния Москвы. Роль великокняжеских наместников в Пскове в течение XV в. постоянно росла, без их одобрения не могла состояться смертная казнь. Кроме того, именно в московской книжной традиции второй половины XV в. все большее внимание уделялось тематике сожжения, а сами «огненные казни» активно применялись великокняжеской властью.

Также было выяснено, что за весь период истории Псковской земли вплоть до начала XVI в. летописи фиксируют всего четыре случая сожжения, из них только два (1496 и 1509 г.) можно считать официальными приговорами суда, и относятся они ко времени, когда Псков фактически находился под полным контролем великокняжеских наместников. Показано, что приговоры по делам о сожжении не противоречили псковским законам («старине»). Это придавало им легитимность в глазах местного населения.

Ключевые слова: сожжение, Псков, каноническое право, Василий III, московская идеология, наместники, централизованное государство.

3 июня 1509 г. в еще формально независимом Пскове произошло примечательное событие. В заговенье Петровского поста (день Святой Троицы в 1509 г. отмечался 27 мая по юлианскому календарю; заговенье с первое воскресенье после Троицы, то есть 3 июня), на берегу р. Великой был сожжен пономарь Троицкого собора Иван, обвиненный в святотатстве – краже из храмовой казны («ларевь») огромной по тем временам суммы в 400 рублей. Пономарь был схвачен еще на Масленной неделе, после публичного битья кнутом на вече сознался в преступлении и был отправлен под стражу («на крѣпость») [21, с. 282]. Заслуживает внимания не только масштаб хищения, но и способ наказания за него – сожжение. В статье предполагается выяснить, насколько этот случай соответствовал русской (и прежде всего – псковской) пенитенциарной практике на заключительном этапе создания единого централизованного государства под эгидой Москвы.

Отмечу, что сожжение пономаря состоялось незадолго до окончательного присоединения Псковской земли к территориям Великого княжества Московского, что произойдет спустя полгода после казни Ивана – в январе 1510 г. При этом московские наместники находились в Пскове уже с 1399 г. [5, с. 10]. Полномочия московского наместника были значительно расширены в 1467 г. при вокняжении в Пскове Федора Юрьевича Шуйского, который получил право

держат своих представителей на всех 12 пригородах Пскова вместо прежних 7 и осуществлять там суд. Более того, сами псковичи уже в 1470-х годах осознали правителя Московского княжества как государя и «царя» [5, с. 45]. Роль великокняжеских наместников в Пскове была велика. В том числе без их одобрения не могла состояться смертная казнь. Когда в 1476 г. жители Опочки самовольно повесили конокрада (конокрадство, также как поджог и святотатство, относилось к наиболее тяжким преступлениям, каравшимся смертью, о чём подробнее будет сказано ниже), московский наместник князь Ярослав Васильевич Оболенский наложил на них штраф в 100 рублей [29, с. 206].

Весной 1509 г. наместник великого князя в Пскове Петр Васильевич Шестунов был смещен и заменен на князя Ивана Михайловича Репню-Оболенского [35, с. 177]. Летописец отмечает, что князь Репня (которого псковичи называли «Найденом», так как узнали о его назначении уже тогда, когда он находился в своей резиденции, где и был ими «обнаружен») был «лють до людей» [21, с. 282]. Была ли казнь пономаря, произошедшая вскоре после назначения наместника, проявлением этой «лютости», и можно ли связать способ наказания через сожжение с московским влиянием?

Чтобы это выяснить, прежде всего необходимо установить, что послужило законодательной базой для совершения казни. Преступление не было рядовым из-за размера похищенной суммы: 400 рублей. Достаточно вспомнить, что в 1437 г., по приезде в Псков митрополита Исидора, державшего путь из Москвы на Ферраро-Флорентийский собор, псковичи встретили его с большой честью, дали ему 20 рублей, а затем, пока Исидор находился в городе, устраивали в его честь пиры и преподносили высокому гостю богатые дары [36, с. 464-466]. А перед отбытием Исидора дальше, в Юрьев, псковичи вручили ему еще 100 рублей. Даже с учетом расходов псковичей на пиршества и содержание многочисленной свиты Исидора (согласно одному из участников свиты, Симеону Суздальскому, в ней было 100 человек [13, с. 90]), потраченная ими сумма едва ли превышала украденные пономарем деньги. Скорее всего, она была существенно меньше.

Об этом можно судить на основании иных крупных расходов псковских властей. К примеру, 22 января 1464 г. псковичи отправили посольство к Ивану III с просьбой прислать воеводу на помощь против немцев и поставить им владыку, а в качестве даров послали великому князю 50 руб. 30 августа 1465 г. завершилось трехлетнее строительство городских укреплений Пскова («перси совершиша у Кромю»), на работу наняли 80 человек, которым было заплачено 175 руб [21, с. 227, 229]. Летом 1501 г. между Псковом и Дерптом разразился очередной торговый конфликт. В Дерпте были задержаны псковские купцы с 25 учанами товара и 150 работниками. Купцы были брошены в погреб, а их товар выгружен из судов на берег. Псков обратился за помощью к великому князю, и Иван III прислал в Псков две армии под командованием воевод В. Шуйского и Д. Пенка [5, с. 24]. Трехнедельное содержание великокняжеского войска обернулось для псковичей большими убытками («много проторы»): только сопутствующие расходы составили 100 зобниц овса и 100 стогов сена, а на корм воинам уходило 25 рублей ежедневно [21, с. 273]. То есть на украденную пономарем сумму можно было как минимум две недели кормить внушительную армию. Даже дар псковичей великому князю по летописным данным никогда не превышал 150 рублей. Именно такую сумму они преподнесли Ивану III в сентябре 1485 г., когда посольство во главе с наместником князем Ярославом Васильевичем Оболенским отправилось в Москву просить о прощении псковичей во время «брани о смердах» [5, с. 48].

Законные основания для казни святотатца у псковичей имелись. Они могли опираться как на Псковскую судную грамоту, так и, теоретически, на великокняжеский Судебник 1497 г.

В статье 7 Псковской судной грамоты сказано: «А крим(с)кому татю и коневому и переветнику и зажигалнику тем живота не дати» [30, с. 332]. Относительно того, какое воровство считать «кримским», в историографии существуют споры, но наиболее вероятными являются его толкования как кражи имущества из храма, причем не обязательно церковного, но и нецерковного, хранившегося в церкви (М. М. Исаев), а также кражи из Крома – псковского Кремля (Л. В. Черепнин, А. А. Зимин, Ю. Г. Алексеев и др.) [30, с. 349-350]. В любом случае, поскольку

Троицкий собор, из которого была совершена кража, находится в Крому, данное преступление подпадает под действие статьи 7, предусматривающей смертную казнь.

Статья 9 Судебника Ивана III содержит следующую норму: «А государскому убийце и коромолнику, церковному татю, и головному, и подымщику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнью» [31, с. 55]. По мнению большинства исследователей, под церковным татем понимается лицо, так или иначе нарушающее интересы Церкви [31, с. 70], и церковная кража вполне укладывается в эту парадигму.

Однако ни Судебник, ни Псковская судная грамота не предусматривают сожжения в качестве способа смертной казни (способ вовсе не оговаривается). Также следует отметить, что правоприменение норм Судебника 1497 г. остается дискуссионным и до конца не изучено. Закон в это время не имел той силы, которую он имеет в настоящее время, и, судя по всему, конкурировал с другими источниками права, в частности, с правовым обычаем [16, с. 374]. Как отмечает Ю. Г. Алексеев, централизация, проводимая московскими великими князьями, не исключала внимания к местным конкретным реалиям [4, с. 318].

В средневековом понимании придание законности тем или иным действиям власти обязательно требовало ссылок на «старину». Именно в отходе от «старины» обвинял Иван III новгородцев накануне похода 1471 г. [22, с. 182]. На «старину» ссылались псковичи в 1499 г., протестуя против пожалования титула князя Псковского Василию Ивановичу, наследнику Ивана III [5, с. 95]. Характерно, что в легитимации Василия принял деятельное участие новгородский архиепископ Геннадий, ярый сторонник сожжения еретиков и ставленник Ивана III. 2 июня 1499 г. (в ближайшее воскресенье после приезда в Псков) он провел богослужение у Троицкого собора с согласия наместника и вопреки воле местных посадников [21, с. 271].

Учитывая сказанное, важно понять, было ли сожжение пономаря Троицкого собора Ивана частью именно псковской пенитенциарной практики. Сожжения в Пскове практиковались и ранее 1509 г., в XV в. источниками зафиксировано три таких случая. В 1411 г. псковичи сожгли по обвинению в колдовстве 12 «вещих женок» [29, с. 36]. Причем, как показал П. В. Лукин, сожжение колдунов на Руси обычно носило характер коллективной расправы, поскольку колдуны и ведьмы могли восприниматься в качестве врагов православного христианства, а значит, и всего городского сообщества [12, с. 395-397]. То есть сожжение в данном случае, вероятно, было инициировано не властями, а самими жителями Пскова. К тому же подобная практика осуждалась церковным руководством. Еще в 70-е годы XIII в. епископ владимирский Серапион в своем «Починении» сетовал: «Аже еще поганьскаго обычая держитесь: волхвованию вѣруете и пожигаете огнем невинныя челоуѣкы и наводите на весь миръ и градъ убийство» [15, с. 450].

Второй случай имел место в 1459 г. (по другим данным – в 1460 г.). Великим постом немцы напали на остров Озолица в Чудском озере и сожгли недавно построенную здесь наместником князем Александром Васильевичем Чарторыйским церковь Архангела Михаила, а вместе с ней 9 псковичей. Вскоре была совершена месть: войско князя Александра вторглось в немецкие владения, были захвачены пленные из числа местного населения, которые подверглись сожжению («много чюди мужъ и жон пожгоша») [21, с. 218; 29, с. 50]. Однако данная экзекуция – акт мести, а не приговор суда.

Третий случай относится к весне 1496 г. В ходе войны Ивана III с немцами и шведами, в Пскове случился крупный пожар. Загорелся Кром, в результате выгорело много амбаров с рожью и других построек («клѣтей»). Пожар устроил лазутчик-чухонец («зажегъ чюхно закрадчися»), подсланный немцами. Лазутчик был пойман на месте преступления и сожжен 12 апреля [21, с. 270]. Его казнь соответствовала норме Псковской судной грамоты.

Было ли сожжение типичной практикой для Пскова? За весь период истории Псковской земли вплоть до начала XVI в. летописи фиксируют четыре случая сожжения, из них только два можно считать официальными приговорами (1496 и 1509 г.), а не самосудом (1411 г.) или местью иноверцам (1459/60 г.). О нечастом применении данной казни косвенно говорит ситуация, сложившаяся в ходе борьбы псковичей с ересью стригольников в 1420-х гг. В послании

митрополита Фотия, датированном 23 сентября 1427 г., упоминается, что в Пскове «тех стригольников обыскали и показали» [10, с. 61]. Согласно «Просветителю» Иосифа Волоцкого, посадники, по совету «от благочестивых князей и святителей и от всех благородных христиань» велели схватить еретиков и посадили их в темницу пожизненно [27, с. 542]. То есть сожжение еретиков в Пскове в домосковский период, видимо, не применялось.

Сам же Иосиф Волоцкий, будучи ярким борцом с еретиками-«жидовствующими», призывал к иным действиям. По его убеждению, для водворения порядка в стране необходимо было физическое уничтожение всех еретиков. Он писал, что возможность спастись есть у каждого, кроме еретиков, потому что ересь – сквернее любого беззакония [27, с. 171]. В отличие от древних еретиков, нынешние как самые худшие и опасные были названы отступниками, для которых наказание должно быть самым суровым. Особая роль отводилась светской власти. Цари и князья, по Иосифу, получили власть от Бога для наказания преступников. Он писал, что царь «властию же подобен ест вышнему Богу» [27, с. 547]. Стоит отметить, что Иосиф, обосновывая необходимость сожжения еретиков, обращался к самым разным литературным сюжетам, в частности, русского происхождения. М. В. Корогодина относит к таким сюжетам рассказ «Просветителя» о сожжении епископом Львом Катанским еретика Илиодора, позднее включенный митрополитом Даниилом в свою Кормчую в качестве иллюстрации необходимости жесткого ответа еретикам [11, с. 378].

О необходимости сожжения еретиков говорил и новгородский архиепископ Геннадий, в церковной юрисдикции которого находилась и Псковская земля. Как отмечалось в историографии, Геннадия, который первым начал борьбу с «жидовствующими», а позднее призывал жечь и вешать обвиненных им в иконоборчестве, могла вдохновить практика испанской инквизиции [10, с. 117, 130; 3, с. 422-423]. При участии Геннадия около 1490 г. был составлен «Рассказ об инквизиции», повествующий о сожжении по приказу испанского короля еретиков, уличенных в «жидовских ересях» [3, с. 270]. Приверженцы иудаизма массово сжигались на кострах, а их имущество конфисковывалось в королевскую казну [18, с. 172-173].

В итоге Иосиф и Геннадий добились казни еретиков. 27 декабря 1504 г. Ивана Волка Курицына, Митю Коноплева и Ивана Максимова сожгли в срубе в Москве, а Некраса Рукавова (которому к тому же отрезали язык), архимандрита Юрьева монастыря Кассиана и некоторых других еретиков сожгли в Новгороде [22, с. 371-372].

Основное бремя обоснования сожжения еретиков взял на себя сам Иосиф Волоцкий. Прежде всего он ссылался на нормы «Закона градского» (содержащиеся в Кормчих книгах выдержки из византийских юридических сборников: Эклоги и Прохирона), по которым манихеи и «жидовин», совративший христианина в свою веру подлежат смертной казни. Он утверждал также, что за богохульство и хуление Церкви виновник должен быть казнен отсечением головы, как и за оскорбление царя, и предан вечному проклятию по Божественным правилам [27, с. 204]. Но везде речь идет о казни мечом, а не о сожжении. К тому же применение гражданского законодательства в церковных делах было недостаточно легитимным. Понимая это, волоцкий игумен рассматривал каноническое право как совокупность божественных правил и гражданских законов, уравнивая последние с авторитетом церковных канонов [3, с. 441]. При этом он не ссылался на западноевропейскую практику, как Геннадий. Ему нужно было придать своим построениям наибольшую законность. Значим был именно религиозный (культурный) престиж византийского права, так как оно служило важным идеологическим источником [8, с. 228-229].

Есть и еще одно объяснение ссылок Иосифа на «градский закон». Известно его утверждение о том, что еретиков и отступников следует наказывать так же, как убийц, прелюбодеев и «иная злая дела творящих». Здесь Иосиф не делает никакого различия по существу между обыкновенным преступлением и ересью, то есть для него ересь является еще и опасным государственным преступлением, подлежащим смертной казни по уголовному законодательству «ромеев». Но у Иосифа была и другая постановка вопроса: он указывал, что христианские цари не только участвовали в церковных соборах против еретиков, но и предавали их казни, «святых отец молению и наказанию повинующеся». Царь не решает вопроса о правоте за-

подозренного в ереси, он только казнит; но и к казни он приступает исключительно по указанию и просьбе представителей духовной иерархии [7, с. 208]. Это вполне отвечало сложившейся традиции участия великого князя в соборах, и, видимо, было идеальным вариантом развития событий не только для Иосифа. К этому времени в русской религиозно-политической идеологии складывается образ Ивана III как нового Константина – защитника православной веры, перенявшего функции византийских василевсов в духовной сфере [33, с. 123]. Одной из этих функций была борьба с еретиками.

Тем не менее, рассмотрение сожжения пономаря в 1509 г. с позиции «градских законов» не вносит ясности. Статья 15 XVII титула Эклоги гласит: «Вошедший в алтарь днем или ночью и похитивший что-либо из священной утвари да будет ослеплен. Если же не в алтаре, а в нефе что-либо украдет, да будет высечен как нечестивый и наголо остриженный да будет изгнан» [37, с. 69]. За святотатство здесь не предусмотрено сожжение. Однако в одном из текстов, воспринимавшихся в рассматриваемое время в качестве канонического, есть призыв к сожжению за схожие преступления.

Он содержится в апокрифическом «Правиле 165 святых отец» (далее – «Правило»), которое обрушивается на «обидящих церкви Божья» и защищает церковное землевладение. Более подробно вопрос о роли «Правил» в культурной парадигме Великого княжества Московского второй половины XV в. рассмотрен мною в другой статье, публикация которой планируется в ближайшем времени. «Правило» грозит суровой карой тем, кто осмелится его нарушить, невзирая на их высокое звание: «Аще ли саномъ горящихся негодовати начнуть нашего повеленья, истинному правилу непокорящеся святыхъ отецъ, въ какомъ сану но буди въ васъ, или воевода, воеводства чюжь, или воинъ, воинства чюжь. Паки же вельемъ негодованьемъ начнуть негодовати, забывъ вышнии страхъ, оболькшеся в бестудье, *повелеваетъ наша власть техъ огнемъ сжещи* (курсив мой – А. С.); дома же ихъ святымъ божьимъ церквамъ вдати, ихже обидеша» [32, с. 145-146].

На первый взгляд, «Правило» обращено только к тем, кто незаконно отнимает церковные «села и виноградъ», однако это не так. Далее говорится, что оно действует в отношении тех, «кто и сану преобидети начнетъ, или суды всхищати церковная и оправдания, или привлекающе насильемъ епископа и попа и дьякона и всякого, просто рещи, священническаго чина» [32, с. 145]. Это означает, что «Правило» можно было толковать максимально широко, применительно к любой «обиде», нанесенной духовенству. Учитывая неопределенность светских законов в толковании святотатства, выбор сожжения за него мог быть сделан именно под влиянием «Правил». Даже в сожжении псковичами пленных из прибалтийско-финского населения в 1459/60 г. можно видеть влияние «Правил», поскольку это был акт мести за нанесенную Церкви «обиду» - разрушение немцами храма Архангела Михаила.

Необходимо отметить, что «Правило 165 святых отец» имело достаточно широкое хождение на Руси уже с последней четверти XIV в. Относительно бытования его в псковской традиции можно сказать следующее. С одной стороны, «Правило» отсутствует в Псковской Кормчей (ГПНТБ СО РАН, Тихом. Р-539), которую исследователи относят к Первоначальной русской редакции [11, с. 245]. Вообще из всех редакций Кормчих книг оно известно только по Чудовской редакции (где оно указано дважды). Чудовская редакция, составленная, видимо, в XIV в., была самой распространенной на протяжении XV – XVII вв. С другой стороны, Псковская Кормчая – памятник относительно поздний. М. В. Корогодина относит ее создание к концу 1450-х – началу 1460-х гг. При этом работа над Кормчей была скомкана, не продумана до конца; возможно, редактор, отобравший материал, не имел возможности следить за работой переписчика. За основу новой рукописи был взят список Кормчей Первоначальной русской редакции, и к нему сделаны дополнения. Однако эти дополнения нельзя назвать удачными: дополнения разрывали стройную последовательность глав Кормчей, а в одном случае даже вклинились в середину текста. Все это говорит о том, что место дополнительных статей было определено редактором весьма приблизительно [11, с. 261].

Гораздо важнее, что «Правило» вошло в состав так называемой «Власфимии» (сборника против еретиков и симонии), сохранившейся в списке кон XIV в. (РНБ, Соф. 1262) и двух сборниках рубежа XIV – XV вв. (ГИМ Чуд. 21 и РГАДА, Саров 2). Причем РНБ, Соф. 1262 – это так называемый Трифоновский сборник, имеющий псковское происхождение. К тому же, как показала М. В. Корогодина, часть Псковской Кормчей была выполнена под влиянием Трифонова сборника [11, с. 257]. То есть к этому времени «Правило» бытовало в Пскове как минимум около полувека.

Таким образом, не подлежит сомнению, что «Правило» было известно псковским книжникам XV в. Более того, оно имело вес не только в антиеретическом контексте. Это подтверждает любопытная деталь, содержащаяся в Псковской I летописи – описание тяжбы за землю между монахами одного из псковских монастырей и Троицким собором в 1470/71 гг. Монахи выиграло дело благодаря решению веча, которое 7 апреля 1471 г. присудило передать им Матутино землю, данную Троицкому храму прежним посадником Нежатой [21, с. 238]. Летописец с яростью обрушивается на псковичей, и прежде всего посадников, допустивших такое «безстудство». Именно в их действиях он видит причину пожаров на Матутином дворе и еще в пяти местах, случившихся в тот же день. Более того, летописец грозит им не только Божьей карой, но и ссылкой на «Правило», включая фрагмент, где говорится о необходимости «огнемь сожещи» за подобное «безстудие» [21, с. 238].

Актуализации «Правил» способствовала борьба с «жидовствующими» в конце XV в., закончившаяся сожжением в срубях ряда еретиков на льду Москва-реки в декабре 1504 г. [22, с. 371-372]. «Правило» хорошо знали Геннадий Новгородский и Иосиф Волоцкий. Составленный при участии Геннадия «Рассказ об инквизиции» в характеристике наказания еретиков (сожжение и конфискация имущества) [18, с. 172-173] перекликается с «Правилом». «Правило» прямо цитируется в послании преподобного Иосифа И. И. Третьякову [26, с. 197]. Судя по всему, «Правило» привлекалось на церковном соборе 1503 г., в ходе которого иерархи выступили против покушения великокняжеской власти на монастырские земли. Во всяком случае, о нем упоминает «Соборный ответ 1503 г.» – две речи митрополичьего дьяка Леваша Коншина, которые он должен был произнести перед Иваном III от имени митрополита Симона. Во второй речи присутствует аллюзия на это апокрифическое правило: «аще имут обидети или вступатися во что церковное или в суды и управы и в пошлыны и в десятины церковныя, святительския или отымати, – да будут прокляты в сей век и в будущий» [26, с. 324, 326; 17, с. 16]. В деятельности собора 1503 г. принимал участие Иосиф Волоцкий, о чем сообщает, например, Вассиан Патрикеев [9, с. 279]. Впрочем, А. И. Плигузов считает «Соборный ответ» поздней иосифлянской компиляцией [19, с. 386].

Кроме того, в летописной «Повести о восьмом Флорентийском соборе», окончание которой посвящено бегству митрополита-униата Исидора в Литву, упоминаются «святыя правила святых апостоль», повелевающие нераскаявшегося еретика сжечь или живьем закопать в землю [22, с. 91; 24, с. 251]. Такая же формулировка встречается в послании митрополита Ионы литовским епископам о незаконности киевского митрополита Григория [32, с. 654-655]. Однако на самом деле ничего подобного в апостольских правилах нет. И поскольку данное послание Ионы, видимо, является компиляцией, составленной в период с 1460 г. до начала XVI в. [2, с. 442], а в русских Кормчих книгах можно было встретить только один текст, который мог служить обоснованием сожжения еретиков – «Правило 165 св. отец» (оно отсутствовало в византийской церковно-правовой традиции), можно полагать наличие прямого влияния «Правил» на летописные тексты. Более того, впервые летописная редакция «Повести» помещается в московском летописном своде конца XV в., восходящем к своду 1479 г. [2, с. 87].

Таким образом, есть основания считать, что возрастание интереса к тематике сожжения во второй половине XV в. произошло именно в Великом княжестве Московском. Этот процесс шел одновременно с возрастанием политического могущества Москвы, что проявилось на примере подчинения Новгорода. Согласно свидетельствам, восходящим к великокняжескому летописанию 1470-х гг., после Шелонской битвы, «[великокняжеские воины] тем же пойманым [новгородцам] самим меж себя повелеша носы, и губы, и уши резати, и отпускати их назад к

Новугороду, а доспехи их, снимающе, в воду вметающе а инии огню предаша» [25, с. 236-237]. Исследователи отмечают здесь отсылку к 23-й и 39-й главам книги пророка Иезекииля. Москва отождествляется с Израилем и ведет борьбу против Новгорода, который олицетворяет Гога и Магога, отвернувшихся от Господа [20, с. 137-138; 34, с. 73; 35, с. 23]. Даже если перед нами всего лишь книжный конструкт, и в реальности подобного наказания не было, важен сам факт, который подтверждает поиск московскими интеллектуалами конца XV в. литературных параллелей для обоснования наказаний, имевших религиозный подтекст.

В этих условиях окончательное подчинение Пскова было лишь делом времени. Иван III неуклонно усиливал здесь свое влияние через своих наместников. Это ярко проявилось в ходе так называемой «брани о смердах» - восстания городских низов («черных людей») в 1483-1486 гг., вызванного изменением повинностей в пользу крестьян-общинников («смердов»). 6 мая 1483 г. псковичи «посекли» двory шести посадников и их сторонников, а в 1484 г. посадники во главе с Гавриилом составили «новую грамоту», перераспределив повинности между Псковом и пригородами в пользу сельского населения [5, с. 78]. Летописец отмечает, что сделано это было тайно при участии наместника: «... грамоту новую списали и въ ларь вложили на сѣняхъ со княземъ Ярославомъ, а Псковъ того не вѣдаеть» [21, с. 266]. Сени – это княжий двор, где наместник осуществлял суд. Об этом прямо говорится в статье 4 Псковской судной грамоты: «А князь и посадник на вечи суду не судяты, судити им у князя на сенех» [30, с. 332].

После того, как грамота была обнаружена, «черные люди» арестовали нескольких «смердов», однако Иван III встал на сторону крестьян и потребовал их отпустить, и после этого бить челом не ему, а наместнику. Вместо этого по приговору веча псковичи казнили Гавриила и одного из «смердов», а остальные посадники сбежали в Москву. Конфликт был улажен «лучшими людьми» Пскова и наместником на условиях Ивана III (смертный приговор остальным посадникам отменили, а «смердов» отпустили) [29, с. 65]. В результате влияние великого князя в Пскове укрепилось, а позиции веча были ослаблены.

В. А. Аракчеев приводит еще один важный эпизод, свидетельствующий об усилении влияния Ивана III в Пскове. Речь идет о грамоте князя Ярослава и псковских посадников бургомистру Кольвани (Ревеля) 1486/87 гг. об украденных лошадях, конфликт из-за которых обсуждался на высшем государственном уровне [5, с. 86]. Отмечается, что грамота, в которой посадник требует разрешить спор между колыванцем и псковичами, обвиненными в конокрадстве, скреплена не традиционной для Пскова подвесной металлической печатью, а прикладной вощаной печатью московского образца, хоть и с псковским штампом [28, с. 142].

Именно в конце XV в., когда Псков уже фактически находился под полным контролем великокняжеских наместников, появляется новое известие о сожжении.

Сожжение чухонца-поджигателя в 1496 г., как и казнь пономаря в 1509 г., не противоречило псковским законам. Но произошло оно уже на излете существования вечевого республиканского строя, независимой лишь формально и управляемой московскими наместниками. Рост московского влияния отражает характерный эпизод. Вскоре после упоминания сожжения пленных прибалто-финнов в 1459/60 г. летопись сообщает о просьбе псковичей к Василию II оказать им помощь против Ливонского ордена, причем псковские послы обращаются к великому князю как «господину и государю» [21, с. 219]. Вполне возможно, что сама псковская практика сожжения за тяжкие преступления могла быть следствием усиливавшегося влияния Москвы, где книжность активно развивала тему «огненных казней», а сожжению подвергались не только еретики (которых в Пскове, как было указано выше, не казнили). Так, 31 января 1493 г. на берегу Москвы-реки были сожжены в срубах князь Иван Лукомский и латинский толмач поляк Матиас, приехавшие из Литвы и обвиненные в желании отравить Ивана III [23, с. 277-278].

Очень вероятно, что решение сжечь пономаря в 1509 г. было принято под влиянием «Правила 165 св. отец». Похоже, здесь сыграли свою роль не только актуализация этого текста в московской книжности, но и большой авторитет «Правила» в псковской традиции. Это не «лютовость», а та самая «старина», придававшая законность деяниям средневековых властителей, «старина», которой умело пользовались псковские наместники Ивана III, опираясь на нормы

церковного и светского права. К слову, сожжение за поджог отвечало также нормам канонического права. Так, византийский закон из Кормчих книг гласил, что поджигателей следовало предать огню, а если поджог совершен вне города – отсечь им руки [1, л. 517].

Таким образом, данная казнь стала своеобразным зловещим предзнаменованием конца псковского вечевоего строя. В скором времени Василий III, пользуясь конфликтом между наместником и горожанами, окончательно присоединит свою «отчину» – Псков к Московскому государству. Так начался непростой XVI век для северо-западного форпоста России.

Библиография

Неопубликованные

1. ОР РГБ. Ф. 304/1. №. 205. Кормчая. XVI в.

Опубликованные

2. Абеленцева О. А. Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. М.; СПб: Альянс-Архео, 2009. 468 с.
3. Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI в.: стригольники и жидовствующие. М.: Индрик, 2012. 559 с.
4. Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III: Традиция и реформа. СПб: Дмитрий Буланин, 2001. 446 с.
5. Аракчеев В. А. Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV – XVII веках. Псков: Псковская областная типография, 2004. 360 с.
6. Булычев А. А. Между святыми и демонами: заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М.: Знак, 2005. 304 с.
7. Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг: тип. А. Бенке, 1916. 463 с.
8. Живов В. М. История русского права как лингвосомиотическая проблема // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 187-306.
9. Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М., Л.: АН СССР, 1960. 363 с.
10. Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М.; Л.: АН СССР, 1955. 544 с.
11. Корогодина М. В. Кормчие книги XIV – первой половины XVII веков. СПб: Альянс-Архео, 2017. Т. 1: Исследование. 597 с.
12. Лукин П. В. Новгородское вече. М.: Индрик, 2014. 608 с.
13. Малинин В. Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания: историко-литературное исследование. К.: Типография Киево-Печерской Успенской Лавры, 1901. Приложение. С. 1-144.
14. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: АН СССР, 1950. 565 с.
15. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М.: Художественная литература, 1981. 616 с.
16. Петров К. В. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании?: по поводу ст. С. Н. Кистерева «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой пол. XVI в.» // Очерки феодальной России. Вып. 12. М.: Альянс – Архео, 2008. С. 365-382.
17. Петрушко В. И. Московский собор 1503 г. // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 6 (73). С. 9-20.
18. Печников М. В. Иван III и новгородский розыск 1487-1490 гг. Ч. 2. // Средневековая Русь: (сборник статей). М.: Индрик, 2020. Вып. 14. С. 153-220.

19. Плигузов А. И. Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М.: Квадрига, 2017. 420 с.
20. Подвальнов Е. Д. Интерпретация Коростынской битвы 1471 года в рамках центонно-парафразного метода // *Novogardia*. 2019. № 2. С. 131-144.
21. Полное собрание русских летописей. Новгородские и псковские летописи. СПб: тип. Эдуарда Праца, 1848. Т. 4. 372 с.
22. Полное собрание русских летописей. Софийская вторая летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. Т. 6. Вып. 2. 446 с.
23. Полное собрание русских летописей. Симеоновская летопись. СПб: тип. М. А. Александра, 1913. Т. 18. 321 с.
24. Полное собрание русских летописей. Львовская летопись. Ч. 1. СПб: тип. М. А. Александра, 1910. Т. 20. Ч. 1. 418 с.
25. Полное собрание русских летописей. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: АН СССР, 1959. Т. 26. 414 с.
26. Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л.: АН СССР, 1959. 390 с.
27. Просветитель, или обличение ереси жидовствующих. 3-е изд. Казань: тип. Императорского университета, 1896. 551 с.
28. Псков в российской и европейской истории: Международная научная конференция: В 2 т. Т. 1. М.: МГУП, 2003. 403 с.
29. Псковские летописи. Вып. 2. М.: АН СССР, 1955. 370 с.
30. Российское законодательство X-XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юридическая литература, 1984. 432 с.
31. Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юридическая литература, 1985. 520 с.
32. Русская историческая библиотека. СПб: тип. Императорской академии наук, 1880. Т. 6. 930 с.
33. Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.
34. Тарасов А. Е. Эсхатологический контекст московской версии похода Ивана III на Новгород в 1471 году // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время*. Выпуск 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21-22 ноября 2019 г. М.: изд. Московского университета, 2019. С. 72-76.
35. Филлюшкин А. И. Василий III. М.: Мол. гвардия, 2010. 345 с.
36. Хождение на Флорентийский собор // *Библиотека литературы Древней Руси*. СПб: Наука, 1999. Т. 6. С. 464-487.
37. Эклога / Вступ. Ст., пер., ком. Е. Э. Липшиц. М.: Наука, 1965. 228 с.

THE BURNING OF THE PSKOV PONOMARI IN 1509 AND THE POLITICAL SITUATION IN PSKOV ON THE EVE OF THE FALL OF THE EVECHE STRATEGY

Sdirkov A.V.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. The subject of this article is the actualization of the death penalty by burning in the Pskov penitentiary practice of the 15th - early 16th centuries. The main plot discussed in the article is the execution of the sexton of the Trinity Cathedral Ivan in 1509 on charges of sacrilege - theft of a huge amount of 400 rubles from the temple treasury. This happened shortly before the final annexation of the Pskov land to the territories of the Grand Duchy of Moscow in 1510.

The paper raises the problem of a possible connection between the Pskov practice of burning for serious crimes with canon law (primarily with the apocryphal "Rule 165 of the Holy Father", which existed in Pskov at least from the end of the 14th century and threatened with burning for "insults" inflicted on the Church), as well as with the growing influence of Moscow. The role of the grand princely governors in Pskov during the 15th century was constantly growing, without their approval the death penalty could not take place. In addition, it is in the Moscow book tradition of the second half of the 15th century. more and more attention was paid to the topic of burning, and the "fire executions" themselves were actively used by the grand ducal authorities.

It was also found out that for the entire period of the history of the Pskov land until the beginning of the 16th century. chronicles record only four cases of burning, of which only two (1496 and 1509) can be considered official court verdicts, and they date back to the time when Pskov was actually under the complete control of the grand princely governors. It is shown that the verdicts in cases of burning did not contradict the Pskov laws ("old times"). This gave them legitimacy in the eyes of the local population.

Keywords: burning, Pskov, canon law, Vasily III, Moscow ideology, governors, centralized state.